

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 5-го Января 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11823.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ЗЕМСТВА

(1 января 1864 г.—1 января 1914 г.).

ВІДНЬІШІЕ ЗЕМСКІЕ ДѢЯТЕЛИ ЗА 50 ЛѢТЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ ЗЕМСТВА.

Кн. А. И. Васильчиковъ.

земельный магнатъ, воспѣвавшій идею мѣстнаго самоуправліенія. Теоретикъ и практикъ земскаго дѣла 60 и 70 г.г.

А. И. Герценъ,

пѣвецъ идеи народнаго самоуправліенія.

С. А. Муромцевъ,

предсѣдатель земскихъ сѣльскихъ, впослѣдствіи предсѣдатель первой Государств. Думы, гласный тульскаго и московскаго губернскихъ земскихъ съборій.

Группа тверскихъ земцевъ, снятая 7 июня 1905 г., на другой день послѣ Высочайшаго приема въ Царскому селю депутатіи земскаго сѣльства, въ составѣ которыхъ входили П. И. Петрункевичъ и Ф. И. Родичевъ. Сидятъ: посерединѣ А. А. Бакунинъ, отъ него по лѣвой руку: С. Д. Квашнинъ-Самаринъ, И. И. Петрункевичъ, В. Н. Карнауховъ и Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ; по правую руку отъ А. А. Бакунина: Е. В. де-Роберти, Н. О. Витковичъ, А. И. Ромейко, С. А. Миасниковъ. Стоятъ слева направо отъ зрителя: В. Ф. Гаслеръ, Н. А. Балавинскій, М. Е. Зайцевъ, Ф. И. Родичевъ, И. И. Ревкинъ, В. Н. Тицъ; передъ ними: В. Д. Фонть-Дервишъ и М. И. Петрункевичъ; далѣе А. С. Медведевъ, В. Д. Кузьминъ-Карандашъ, С. В. де-Роберти, бар. И. С. Вревскій, А. В. Кудрявцевъ и, крайній, М. П. Литвиновъ. Стоятъ (з-й рядъ) слева направо отъ зрителя: крайній слѣва К. М. Воскресенскій, у столба фонара и.и. И. С. Путягинъ, Д. Н. Квашнинъ-Самаринъ, И. К. Милюковъ, М. А. Потемкинъ, К. Я. Крюковъ, Н. И. Лашаковъ.

Далекій.

. Я вѣрю, ты мой, ты принадлешишь мнѣ. Не только вѣрю, я знаю это, какъ будто я каждый шагъ твой сопровождаю своимъ ревнивымъ взгля-
домъ, какъ будто я невидимо сопут-
ствуешь тебѣ. Да, вѣдь, это такъ и есть. Мысленно я съ тобою. Я ласкаю
твои мягкие влнѣстые волосы на ви-
скахъ около уха. Я никогда не каса-
лась ихъ, но я чувствую ихъ шелкъ,
ихъ теплоту, ихъ ароматъ. Когда ты
уѣзжала, я думала, что буду ревно-
вать тебя къ тѣмъ женщинамъ, съ ко-
торыми ты встрѣтишься. О, ничуть
не бывало. Тогда я ревновала тебя
къ будущему. Но теперь я спокойна.

Ты пишешь, что думаешь обо мнѣ, вспоминаешь меня. И этого довольно. Кто помнить меня, тотъ не можетъ мнѣ измѣнить! Ха ха-ха... Ты улыбнулся? Да? Подумалъ: какая съмовѣренность! О, думай такъ. Но ты ме-
ня зчаешь, и знаешь, что я иной быть не могу. Я стала такой, полюбивъ тебя. Ты меня сдѣлалъ такой. Ты рас-
крылъ мнѣ меня. Вотъ и все. И во-
все здѣсь нѣтъ никакой самоувѣрен-
ности, никакого самообольщенія. Ты въ всемъ виноватъ, мой милый тво-
рецъ и художникъ, мой далекій, да-
лекій..

Мурановъ не дочиталъ и выронилъ письмо изъ рукъ.

— Далекій, далекій... Какъ это вѣр-
но! Всегда далекій, и раньше—боль-

ше, чѣмъ теперь. Теперь, по крайней мѣрѣ, хоть воспоминаніе есть. А вос-
поминанія облагораживаютъ, возвы-
шаютъ, приближаютъ къ идеѣ, къ
ментѣ, поднимаютъ надъ землю...
Воспоминаніе—это тоже творчество,
самое безсознательное и самое сво-
бодное, никакимъ законамъ не под-
властное.

Онъ не поднялъ съ полу ея пись-
ма. Онъ уже забылъ о немъ. Широ-
кими медленными шагами онъ ходилъ
по мастерской мимо ряда мольбер-
товъ, холстовъ, повернутыхъ къ стѣ-
нѣ, мимо большого мольberта съ гро-
маднымъ холстомъ на первомъ планѣ.

Вотъ здѣсь его далекая, здѣсь его
единственная, здѣсь его мечта.

Мурановъ остановился передъ кар-

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.

А. В. Бантышъ.

А. И. Ионинъ.

З. И. Бекарюковъ.

П. В. Кондратьевъ.

М. Е. Гордєенко.

В. Г. Колокольцовъ.

Кн. А. Д. Голицынъ.

Л. Д. Лесевицкий.

В. В. Акишевъ.

осъ, въ которомъ все непонятно. Сияние красоты—улыбка нѣбъсъ; ненависть и месть—адскія змѣи; восторгъ, вдохновеніе танца, кипѣніе жизни; убийство—взглядъ, вопрошающій въ бездну небытія; снова восторгъ—торжество жизни надъ смертью и проданная любовь—гнусная пощечина, плевокъ въ собственную душу, отрицаніе себя, отрѣшеніе отъ себя... Это ли не хаосъ?

— А дальше? спросила Кэтъ, широко раскрывъ глаза, въ которыхъ уже не было отблесковъ весеннаго солнца.

И Мурановъ медленно, тихимъ голосомъ отвѣтилъ, глядя ей въ глаза:

— А дальше—только вотъ этотъ взглядъ.

Кэтъ снова расхохоталась:

— И это—все?

— Все.

— Каcъ мал! Я думала, что дальше будетъ что нибудь трагическое, что нибудь сверхъ естественное. Или у меня такой ужасный, такой преступный взглядъ? Теперь буду знать. Это очень интересно...

Черезъ нѣсколько дней, когда картина была обдумана, а Кэтъ снова полулежала на диванѣ въ мастерской Муранова и слушала несвязныя рѣчи художника, ей вдругъ пришелъ на мысль вопросъ:

— А кто будетъ позировать для вашей страшной Соломеи? Гдѣ вы найдете такую страшную женщину?

— Это большой вопросъ,—серъезно отвѣчала Мурановъ. Это чуь ли не самое трудное—найти натурщицу.

— А я не могла бы взмъ позирать? какъ будто между прочимъ спросила Кэтъ.

— Вы? радъ съмъ воскликнулъ Муратовъ. Да нѣмъ жѣть быть?.. Я даже стараюсь не думать объ этомъ... Вѣдь, это такъ неожиданно... Да вѣдь, вы и есть моя Соломея... Неужели вы согласны?

— Согласна.

— Но,—и на лицѣ Кэтъ отразилось сомнѣніе,—я боюсь одного. У меня такая узкая плечи... и немного худыя...

— Вотъ, посмотрите... продолжила она, въ давая опомниться Муранову и спѣша и путаясь пальцами, бросила къ фоторучку, выставляя плечи и поднимая голову, чтобы показать шею и грудь.

— Ничего?

Строгимъ холоднымъ взглядомъ скинула ее Мурановъ и серьезно отвѣтилъ:

— Вы—чудная Соломея. Благодарю васъ.

Кэтъ вдругъ стало стыдно, и она послѣшила сдѣться.

— Послушай, Мурановъ, вѣдь, это же свинство съ твоей стороны, полуслугливо, полувозмущенно говорить товарищъ Муранова Бергъ. Въ тебѣ погибаешь великий карикатуристъ, а ты картины пишешь.

— Да тебѣ то что? отвѣтилъ Мурановъ. Ты свое получишь. Я—свое. Чего вамъ всѣмъ мѣшаетъ?

— Ну, еще бы не мѣшала! Вѣдь, это же карикатура, отвѣченія, такъ сказать, карикатура, не по формѣ, а по идѣѣ. Это ужасъ что такое. И талантъ еще въ тебѣ!

— Почему карикатура?

— Потому что это—не женщина, это—оборотная стоона женщины, такъ сказать, женщина наизнанку. Сплошной минусъ. И знаешь, какъ я смеюсь, когда, проходя мимо твоей „Соломеи“, слышу восторженные похвалы женщины. Ахъ до какой степени они насъ не понимаютъ.

— И онѣ, и они,—добавилъ Мурановъ.

— И они. Хотя не всѣ. Знаешь, что сказалъ о „Соломеѣ“ Калюжниковъ?

— Это же кто такой?

— Какъ? Ты не знаешь Калюжникова? Но, вѣдь, это критикъ, дѣлающій погоду.

Мурановъ улыбнулся:

— Отъ того, должно быть, у насъ въ Петербургѣ и стоитъ всегда такая отвратительная погода, что ее дѣлаютъ всякие Калюжниковы.

— Калюжниковъ, во первыхъ, всякий. А во вторыхъ, онъ сказалъ о „Соломеѣ“:—Это—женщина безъ глазъ. Удивительно вѣрно.

— Твой Калюжниковъ самъ безъ глазъ.

— Ну, это извини. Онъ самъ не много художникъ. Въ молодости даже выставлялъ.

— А потомъ, увидя, что самъ въ черту не годится, сталъ критиковать другихъ. Хорошій критикъ. Скажи ему, чтобы онъ до самой своей смерти не смѣлъ подходить къ картинамъ. Если „Соломея“ безъ глазъ то, значитъ я—осель. Вся моя картина написана для глазъ. Остальное—фантазия.

Бергъ пожалъ плечами:

— А что выражаютъ эти глаза?

— Это ты самъ долженъ сказать. Впрочемъ, это скажутъ люди, которые съ искусствомъ ничего общаго не имѣютъ и его не понимаютъ. Они поймутъ мысль. Да и ты, скажи, что „Соломея“—карикатура. Сказалъ правду, потому что ты увидѣлъ ея взглядъ, но не понялъ еще что онъ означаетъ. И я не понимаю. И никто этого не пойметъ. А почему ствуютъ многие. Я думаю, что это есть искусство.

(Оконч. см. въ слѣдующемъ приложении)

Вл. Шарковъ

